

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ МУЗЫКИ

При любом социально-экономическом кризисе кто-то обязательно остается в выигрыше. Одни наживают немалый барыш, другие, как ни парадоксально это прозвучит, умудряются обогатиться духовно. Во всяком случае, именно так произошло с кивлением культурной жизни Магнитки в эпоху тяжелейших национально-экономических катаклизмов, которые довелось пережить населению всего бывшего великого и могучего Советского Союза. Семья лауреата международных конкурсов, солиста Магнитогорского музыкального театра, певца и композитора Ираклия ВЕНЦАДЗЕ тоже оказалась на Урале по воле бездарных политиков и неальновидных экономистов. Но год от этого только выиграл. Лишь тому подтверждением стала большая концертная программа «Все о любви», прозвучавшая на этой неделе в Большом концертном зале ЦМШ и продемонстрировавшая слушателям все грани необычного таланта автора: от прекрасных вокальных данных до композиторского и артистического дарований. К созданию, по собственному признанию Ираклия Александровича, его подтолкнул давний концерт Александра Градского, в котором тот рискнул соединить исполнение классического и эстрадного репертуара. Рискнул и выиграл. Гвенцадзе решил повторить по опыту и... Впрочем, гораздо красочнее и о результативнее эксперименты могли бы рассказать несомненно в тот вечер в зале аплодисментов и крики «браво!».

Что ж, «петь неудачник не может». Те, кто не услышал «Все о любви», не упустите же. А наш разговор с певцом и композитором, успевшим объехать за свою творческую жизнь с концертными выступлениями по всей России, начался с вопроса о том, насколько наш слушатель отличается от тех, кто заполняет зарубежные концертные залы.

«Они», конечно, отличаются от нас. В Европе, вообще, многие концерты принято проводить в церквях. И вот там эта нить, тянущаяся от исполнителя к слушателю, ощущается особенно сильно. Причем, при этом совершенно не важно, кто сидит в зале — немец, японец, француз... Хотя, скажем, слушатели в Финляндии или Германии во время концерта неизменно хранят полную невозмутимость — как будто ничего не происходит. Но вот, отзвучал последний аккорд и, спустя пять секунд, на тебя обрушивается шквал аплодисментов, а весь зал обязательно встает... Японцы, наоборот, открыты невероятно, как дети. Такие положительные эмоции исходят от зала, что иногда даже начинает казаться, будто кто-то ты просто куда-то улетит. А после концерта они готовы еще минут 40 стоять в ожидании автографов. Бедный маэстро Минин за один вечер после выступления штук по 100-200 компакт-дисков подписывал, потому что каждый желал иметь только его автограф...

Если же говорить о разнице психологического восприятия музыки в разных странах, то для меня это абсолютно неважно. Сложно петь, когда зритель мало. Да, я могу выступать и перед пятью слушателями, но при этом не способен появиться то особое эмоциональное состояние, которое приходит, когда ты стоишь перед переполненным залом.

— Гривин без музыкального слуха и голоса — это, наверное, все равно, что одессит без чувства юмора. Явление редкое и почти фантастическое. Но почему ваша карьера началась когда-то с игры на кларнете? Ведь фортепьяно вокалисту всегда ближе и роднее.

— Тут все объясняется довольно просто. Да, действительно, в семье все всегда любили петь. Я сам с первого класса постоянно участвовал во всяких конкурсах самодеятельности. Но жили мы на периферии. Есть такой маленький шахтерский городок в Грузии — Ткибули, где в те годы не было музыкальной школы. В конце концов, лет в 12 я пристал к маме с расспросами, нет ли у нас среди родственников какого-нибудь музыканта. И представьте, нашелся. Родной дядя моей матери, один из основоположников грузинской фольклористики Григорий Чиквадзе был тогда профессором Тбилисской консерватории. А поскольку в 12 лет начинать учиться игре на фортепьяно уже поздно, а осваивать вокал еще рано, меня определили в Центральную музыкальную школу для одаренных детей по классу кларнета. Там я, не побоюсь этого слова, получил просто блестящее образование, поскольку существовали подобные школы только при крупнейших консерваториях, и преподавали у нас все ведущие композиторы Грузии. ЦМШ заложила основы. Все остальное, что довелось постичь в процессе жизни, было уже наведением «поска».

— В вашей дальнейшей биографии были какие-то странные географические перемещения: из Грузии — в Новороссийск и Краснодар, потом — в Новосибирск, затем — опять в Грузию...

— Тому причиной послужил, видимо, мой характер и определенная самонадеянность. Я посчитал тогда, что в ЦМШ приобрел достаточно много знаний, чтоб тратить время на дальнейшее образование. Тем более, что меня пригласили на работу в очень популярный вокально-инструментальный ансамбль «Иверия» — просто музыкальную академию для молодежи да еще и с роскошными гастроллями. В нем царил изумительная творческая атмосфера. Александр Басилая — руководитель «Иверии» — находился в то время в расцвете своего таланта, написал очень много песен... В общем, учеба отошла для меня на второй план. Обычно, бывает наоборот — годами учишься-учишься, а потом долго ищешь свое место в жизни. А у меня вышло иначе.

Причем мне всю жизнь везло на встрече. В 82-м году произошел поворот в моей судьбе. Я работал тогда сезон в новороссийском мюзик-холле. Там меня услышал как-то один из местных боссов, сам в прошлом музыкант. Он и предложил продолжить вокальное образование. Я поступил в Краснодарское музыкальное училище, которое закончил экстерном, добросовестно отпел всю полагающуюся программу, — опять же помогла большая практика и, видимо, еще сама природа голоса с ним как-то мало возиться приходилось. И вновь — Его Величество Случай: в музучилище преподавал дирижирование Самуил Петрович Певзнер. Его сын — признанный в музыкальном мире мэтр, заслуженный деятель искусств Борис Певзнер руководил в то время Новосибирским камерным хором. Он приехал, однажды, поговорил со мною, и в пять минут я решил круто повернуть судьбу на 180 градусов. Бросил Черное море и уехал в Сибирь, где проработал 7 лет и возмужал как музыкант. Борис Самуилович открыл для меня почти неизведанную мне дотеле кантатно-ораториальную музыку. В Новосибирске я начал сотрудничать и со знаменитым оркестром Арнольда Каца. Не один раз довелось встречаться там и с хором Владимира Минина, учеником которого, кстати, был сам Певзнер... А в Грузию я попал вновь, благодаря тому, что Бориса Самуиловича пригласили однажды на работу в ее Государственную кантатно-ораториальную капеллу, и он, естественно, «взял грузина с собой». Ну а когда в 91-м в Тбилиси произошли роковые события, я, уже будучи выпускником консерватории, уехал в Москву, прошел прослушивание в Московском академическом камерном хоре и начал работу в нем.

— Но этот коллектив всегда демонстрировал достаточно ярко выраженную приверженность русской хоровой классике. Легко ли вам, грузину, было «вписаться» в его репертуар?

— Дискомфорт поначалу у меня немного испытывал, но связан он был с тем, что, хоть Борис Певзнер и является учеником Владимира Минина, подход их к творчеству несколько различен. Так, в сущности, и должно быть у двух самостоятельных художников. «Шероховато-

сти» эти, кстати, через полгода стерлись. И думаю, сам факт, что я был у Минина солистом, скажет музыкантам о многом...

А что касается славянской культуры, то любовь к ней и знание ее идут из моего детства. В шахтерском Ткибули всегда жило очень много русских, от них я слышал и русские, и украинские песни.

Разумеется, если говорить о различиях в мелодике, скажем, грузинского хора и русского знаменного распева, они есть. Если же обратиться к более близкой истории, то, после вхождения Грузии в состав Российской империи, многие наши князья и цвет грузинской интеллигенции учились в России, а затем служили ей. Музыканты получали образование в Петербурге. Культуры переплелись настолько тесно, что возмните романсы «На холмах Грузии» Глинки или Рахманинова и совершенно отчетливо услышите в них грузинские напевы. Так что музыканту-космополиту (а я в хорошем смысле этого слова именно таким себя и считаю) «вписаться» в русский репертуар никакого труда не составляет. Я просто готов вобрать в себя все лучшее, что есть в различных культурах...

— Что же все-таки произошло, на ваш взгляд, в апреле 91-го на улицах Тбилиси? Что это было на самом деле — бунт угнетенного народа или очередная политическая игра, ставка в которой делалась на патриотические чувства нации?

— На этот вопрос и сегодня не так легко ответить. Политика никогда меня не привлекала, но в событиях тех дней я, так получилось, сам принимал непосредственное участие. 9 апреля я ушел с площади перед Домом правительства в два часа утра. Там, действительно, проходило народное гуляние, выступали концертные ансамбли. Я сам пел в составе вокального фольклорного октета, существовавшего при Государственной хоровой капелле Грузии... А в три часа утра началось это бессмысленное наступление войск...

Нет, «бунта угнетенного народа» не было. Система одинаково угнетала и народы Грузии, и народы России. Да, были какие-то «крены», вроде того постановления ЦК КПСС конца 60-х — начала 70-х годов, в котором предписывалось перевести все учебные заведения республики на русскоязычное преподавание и принять русский язык как государственный. Даже просто образованный человек прекрасно понимал, чем чревато подобное насилие — постепенным вырождением национальной культуры. Но тогда политики поступили мудро. Народ возмутился, и Брежнев сказал: «Сделайте так, как требует сам народ...»

Так что, по сути, апрельские события были выступлением против системы. Однако при Гамахурдиа обозначился другой «крен», из-за которого многие, в том числе и я, уехали из Грузии. Началось изживание всего «негрузинского». До абсурда доходили! Вызывают, например, в газете рецензия, и в ней вдруг пишут, что Лиана Исакадзе, признанный мастер(!), ведет репетиции чуть ли не на итальянском языке, поскольку применяет в процессе работы такие термины как «мечто воче» или «аллегро». «Неужели же в грузинском языке нет слов, с помощью которых можно выразить то же самое?!» Ну что за глупости! Весь музыкальный мир использует итальянскую терминологию, как, скажем, врачи — латынь. Да в любой профессии есть, наверное, заимствования, которые общепризнаны и понятны только специалистам данной области...

А Лиана Исакадзе просто, в конце концов, махнула на все рукой и уехала со своим оркестром в Германию. Уехал и Роберт Стура со своим театром. Поступили так многие. И республика оказалась почти уничтоженной. 70 процентов ее промышленности не работает. В России тяжело, а там еще тяжелее...

— Давайте от политики вновь вернемся к музыке.

— Давайте. Это все-таки понятней и родней.

— В готовящейся к постановке опере «Кармен» вам поручена роль Эскамильо — персонажа достаточно «размытого» в смысле характера. Каким собираетесь представить его на сцене вы?..

— Вообще-то я надеялся, что вы

меня об этом не спросите. Но раз так, придется отвечать. Дело в том, что вы, наверное, уже по моей краткой биографии заметили — в оперном и, вообще, в театре я ни разу не работал. Не потому, что не было возможности. Брат моей жены — Евгений Бражник — главный дирижер Свердловского оперного театра. Так что, при желании, сделать карьеру оперного певца я всегда мог. Просто эта форма работы — не для меня. Я не рисуюсь и не оригинальничал, но с раннего детства не люблю соединения танца, драмы и пения в одном действии. Предпочитаю их по отдельности. И потом, мне больше нравится быть на сцене полным хозяином, а не работать по принципу: вышел — отпел — ушел — снова вышел... Поэтому, когда в прошлом году мне предложили работу в «Кармен», видит Бог, я согласился на нее без большого желания. Просто, учитывая то, что на сегодня в Магнитке очень мало баритонов, я посчитал такой отказ не совсем этичным. Исполнить партию Эскамильо голосовые данные мне позволяют, а вот психологически все будет обстоит гораздо сложнее. Тут предстоит еще себя переломить. И каким будет мой герой, я знаю пока только по наметкам. Окончательное решение, думаю, придет тогда, когда начнутся репетиции непосредственно на сцене нового театра. Вот тогда я и скажу вам точно, каким станет мой Эскамильо.

— А это правда, что вы начинаете скучать без публики, если долго не выходите на сцену?

— Правда. Я, кстати, льстил себя надеждой, что в Магнитке у меня будет гораздо больше концертов. Нет-нет, я ни на кого не обижаюсь. Во многом все это естественно, потому что просто меня здесь мало знали. И было время, когда я пребывал в совершенно угнетенном состоянии. Сейчас это уже позади, хотя сольных концертов по-прежнему не хватает... У меня есть мечта. Шестой год вынашиваю идею поставить «Три библейские сцены» Шютца. Композитор этот мало знакомый. Хочу его переаранжировать и сделать нечто в духе знаменитой рок-оперы Уэббера «Иисус Христос — супер-звезда». Это не ново, но мне интересно, как это прозвучит. И опять же, этот жанр мог бы просто заинтересовать молодежь. Она сейчас, к сожалению, далеко не всегда воспитывается на лучших образцах эстрадного исполнительства. Мнимое всегда проще усваивается. Вот мне бы и хотелось без наставлений и нравочений показать молодым, что такое, пусть не высочайший, но, по крайней мере, достойный уровень.

— Ваше самое сильное впечатление от когда-либо слышанной музыки...

— «Реквием» Моцарта. Хотя, если брать всю музыку, в целом, то в ней для меня главная величина — это Бах. Его музыка — настоящий космос!..

— Рассказывают, что безызвестного Адольфа Шиккльгубера, обладавшего лирическим баритоном, «спасла» когда-то от певческой карьеры случайность. В итоге, мир получил III Рейх и одного из самых чудовищных политиков XX столетия. Не проводя никаких исторических аналогий, хочу спросить вас: кого потеряло общество в вашем лице в результате того, что вы-таки стали певцом?

— Знаете, я не представляю себя вне музыки. Если бы не стал вокалистом, был бы, возможно, музыкантом-инструменталистом. Хотя помню период после ЦМШ, когда я «заразился» драматическим театром и видел себя только актером. Потом хотел стать журналистом. Лет в 15 стихами писал, в 16 счинил рассказ и показал его Константины Гамахурдиа — отцу Звиада, прижизненному классику грузинской прозы (он наш дальний-дальний родственник по материнской линии). Тот дал довольно лестный отзыв о моем сочинении. Так что при таком «разбросе» возможностей и желаний можно было и растеряться. Но победило пение.

Вот сейчас модно рассуждать о том, что каждый из нас приходит на землю несколько раз. Если это все-таки правда, мне кажется, что в своей «прошлой» жизни я был либо моряком-путешественником (очень люблю путешествовать!), либо певчим в церкви (иначе, чем объяснить мою невероятную любовь к кантатно-ораториальным произведениям?). Как видите, и «там» без музыки не обошлось бы...

Беседовала В. ЗАСПИЧ.

ВСТАВАЮЩИЙ ТЕАТР